

У неё были песочные часы довольно крупного размера с очень узким отверстием. Она переворачивала их перед сном, и к утру они как раз успевали высыпаться. Сейчас в нижней колбе оставалось песка всего на два пальца — значит, до рассвета ещё далеко.

Где же эта Чёрная Лотос может быть в такой поздний час?

На озере, где рябило от солнечных бликов, ветер доносил стрекот цикад с верхушек ив, а красные водяные орехи покачивались на волнах — вид открывался поистине завораживающий. Линь Чаогэ, лениво прислонившись к каменным перилам, закатила рукав, обнажив белоснежное запястье, и принялась дразнить кормом золотых рыбок в пруду.

Лю Баожу, ничуть не заметив ни тени отчаяния, ни пренебрежения во взгляде собеседника, впала в крайнюю степень нерешительности:

— У тебя, малец, всегда был хороший вкус. Скажи, какой наряд мне выбрать? Красный — кажется, слишком вызывающе. Зелёный — больно уж по-детски. А может, этот тёмно-синий? Нет, нет, слишком по-стариковски! Ну же, прохвост, дай совет!

— ... — этот крик разогнал рыбок в пруду. Линь Чаогэ в сердцах выпалила:

— По мне, так надень всё зелёное, да ещё и зелёную повязку на голову — будет в самый раз!

Стоявший на посту у ворот старик, подслушав это, не удержался и высунул голову, осклабившись в улыбке и обнажив восемь ослепительно белых зубов:

— Молодой господин, да это же выйдет вылитый черепаха!

Апрельское солнце с каждым днём припекало всё сильнее. И хотя до июньского зноя было ещё далеко, жара уже начинала досаждать.

Студенты, давно сменившие громоздкие зимние одежды на лёгкие весенние наряды, больше не толпились в углах аудиторий, греясь у жаровен и причитая о том, что у ворот богачей гниет мясо и вино, а на дорогах замерзают бедняки.

Напротив, теперь они каждый день щеголяли в ярких одеждах, с утра до вечера околачиваясь группами у стены, увитой цветущей форзицией. Они сыпали цитатами о прекрасных девах и достойных кавалерах, вздыхая, что день без встречи кажется тремя месяцами, и вели себя словно мартовские коты, изнывая от тоски по ученицам, живущим за стеной, и изрыгая из себя до зубовного скрежета слащавые стишки.

Среди них, впрочем, нашлись и умники, которые наладили торговлю портретами с женским отделением, расположенным за той же стеной.

Недавно из-за тёплого ветра вода в тазу прогрелась до приятной температуры. Линь Чаогэ не стала разбавлять её кипятком, а просто окунула голову и принялась намыливать её молочным мылом.

Она оставила себе несколько кусков этого самодельного мыла — отлично отмывало и приятно пахло.

Намылив голову, Линь Чаогэ случайно взяла слишком много пены. Когда она начала смывать, мыло попало в глаза. Защищало так, что открыть их она не решалась, и на ощупь потянулась за ковшом.

Опустив руку в таз, она водила ею по дну, но вместо ковша наткнулась на чью-то ладонь — тонкую, белую, мягкую и нежную, совсем как у девушки.

Линь Чаогэ сперва испугалась, но быстро взяла себя в руки. Она понизила голос, чтобы придать ему бархатистости, и как ни в чём не бывало произнесла:

— Вернулся?

У Линь Чаогэ была одна роковая особенность — отсутствие кадыка. Она выясняла причины: иногда это бывает из-за гормонов, иногда из-за наследственности, а иногда — от худобы. Если шея тонкая, как у крысы, и питаться преимущественно яньской пищей, кадык, возможно, ещё вырастет.

Поэтому Линь Чаогэ нельзя было толстеть — иначе проступила бы грудь.

Она была уверена, что это Чёрная Лотос. В этот двор, кроме него, почти никто не заглядывал.

Бай Цинсин ничего не ответил. Одной рукой он закатал рукав, другой зачерпнул воды и полил Линь Чаогэ на голову. Та послушно наклонилась, смывая пену.

— Ещё ковш, руки сполоснуть, — попросила она. На руках оставалась пена, а глаза всё ещё болели, поэтому она решила сначала смыть всё с волос.

Бай Цинсин молча, повинуясь, зачерпнул ещё воды и медленно, без единого звука, полил на руки Линь Чаогэ, пока не смыл всю пену дочи́ста.

Линь Чаогэ потёрла глаза, ополоснула их чистой водой и, наконец, открыла. Волосы её были мокрыми и свисали на лоб. Она не стала поднимать головы, лишь бросила быстрый взгляд и заметила, что одежда Бай Цинсина сегодня не такая, как обычно.

Вместо привычного лунно-белого или соблазнительного цвета алых гибискусов, на нём был нежно-жёлтый наряд, напоминающий распускающиеся поутру цветы форзиции.

Неужели он тоже решил принарядиться, как павлин, распускающий хвост?

Как раз когда она протёрла глаза и открыла их, сверху раздался ледяной, насмешливый голос:

— Юный господин Линь, погляжу, жизнь ваша в моё отсутствие бьёт ключом.

Державший ковш кулак сжался так, что дерево затрещало. Ван Сифэн за эти дни заметно похудел, его прежде округлый подбородок стал острым, как семечка, а миндалевидные глаза, прежде полные слёз, сейчас резали, словно клинок. Холодная насмешка слетела с его ярких губ.

Услышав это, Линь Чаогэ выронила таз, грязная вода брызнула во все стороны, испачкав подол. Вот чёрт!

Взгляды встретились — немые, полные чувств, но сказать было нечего.

Линь Чаогэ с трудом повернула голову, сжимая зубы так, что они закрипели. Она не понимала, как Ван Сифэн, который должен был отдыхать дома, оказался здесь. Она с ужасом смотрела на него в этом нежно-жёлтом одеянии, с прямой спиной, излучающей сдерживаемый гнев.

Он слегка приподнял подбородок, и в его улыбке промелькнула дерзость ветреного юноши. Лицо, подобное осенней луне, цвет, подобный весенним цветам — кто же это мог быть, кроме молодого господина Вана?

Он не улыбался, но его тёмные глаза верно передавали послание: мне конец, и от этого у меня начали дрожать ноги.

— Эй, дружище, давно не виделись! — по мере того как Ван Сифэн надвигался, Линь Чаогэ пятилась, а её соблазнительные персиковые глаза подёрнулись краснотой.

Её некогда прекрасные, как водоросли, волосы сейчас напоминали спутанную шевелюру утопленника, вытащенного со дна реки.

— Правда? А я вот по вам, юный господин Линь, так тосковал, что ни сна, ни аппетита не знал.

Голос его, звучащий почти как любовный шёпот, в этот весенний день пробирал до костей, словно ледяной погреб.

Быстро прикинув шансы, я поняла: жить мне осталось недолго!

Весенний вечер уходит, лунный свет ложится на прохожих... Не отомстить — значит не быть благородным мужем, но тут дело не в чести, а в том, что я просто не могу его одолеть!

Стройная фигура юноши отбрасывала длинную тень на стену, руки безвольно свисали, кулаки были слегка сжаты, а белоснежное одеяние — безупречно чистым. Даже лунный свет не осмеливался оставить на нём пятен от теней деревьев.

— Этого я не знаю, он сказал, что уходит, но куда — не уточнил, — это была правда. Он и сам прекрасно всё понимал, не было нужды уточнять место, к тому же ему не нравилось, что в сердце сестры есть место для кого-то другого.

— Вот как? А брат Чжу говорил, когда вернётся? — женский голос из-за стены звучал с едва уловимой ноткой сожаления.

— Мы не учимся в одном классе, откуда мне знать! — Бай Цинсин не мог описать, что творилось у него на душе. Кислая горечь и необъяснимый гнев поднимались из глубины сердца, а в тёмных, как лак, глазах вспыхивал холодный свет.

— О, понятно... — Бай Линь была разочарована. Она опустила голову, и густые ресницы отбросили тень на её лицо. Подавив неприятное чувство, она спросила: — А ты не знаешь, когда он вернётся?

Хотя брат Чжу и говорил, что питает к ней лишь братские чувства, и советовал ей вовремя остановиться, чувствам не прикажешь.

Это была её первая любовь за десять с лишним лет, и некому было научить её, как избавиться от этой тоски.

Да она и не хотела избавляться. Ей было хорошо — стоило лишь подумать о брате Чжу, как на сердце становилось сладко, словно в банке с мёдом.

Она любила его, но из-за строгих правил приличия не могла видеться с ним часто, поэтому каждый день покупала его картины.

Хотя сходство было не стопроцентным, в них улавливался дух её возлюбленного. На каждой картине он был разным: стоял, сидел, лежал, рисовал или ел — в её глазах всё это было живым.

Ей было достаточно знать, чем он занят, чтобы представлять его образ и рисовать самой, утоляя тоску.

Чтобы лучше передать его облик, она упражнялась в живописи каждый день под руководством нескольких учителей, и сейчас её мастерство стало поистине божественным.

Она помнила, что брат Чжу любит музыку. Однажды она потратила кучу денег, чтобы послушать её в публичном доме. Но как могут тамошние девицы сравниться с ней?

Если брат Чжу ходит туда слушать музыку, значит, её мастерство или внешность уступают?

Что касается внешности, те женщины были густо накрашены и вульгарны. Она же не пользовалась косметикой, но её естественное лицо не уступало их размалёванным маскам. А если она накрается — кто сможет с ней сравниться?

Значит, дело в музыке?

Боясь, что её игра не придётся ему по душе, она упражнялась до тех пор, пока пальцы не покрылись мозолями. То, что для другого — яд, для неё было мёдом. Всё ради того дня, когда брат Чжу заинтересуется и попросит её сыграть.

В прошлый раз, когда она ехала с ним в одной повозке, ей хотелось узнать, что он там прячет.

Любимые вещи он содержал в идеальном порядке, а нелюбимые — бросал как попало.

У брата Чжу была привычка пить чай, больше всего он любил лунцзин, собранный до праздника Цинмин, а ещё рисовать и играть в шахматы. Всё, что любил он, полюбила и она.

Она вывернулась наизнанку, лишь бы у них были общие темы для разговоров, чтобы он не скучал с ней, чтобы они могли часами беседовать о поэзии, философии и жизни.

Говорят, любовь делает людей пессимистичными, заставляет бояться потерь, но она этого не чувствовала. Она была настолько занята, что у неё не было времени грустить.

Она считала это стимулом: любовь к брату Чжу стала целью, ради которой она стремилась стать лучше, и именно поэтому она отправилась за ним в далёкий Лоян.

Она хотела накопить больше козырей, чтобы догнать его и стать для него единственной.

Бай Цинсин был зол. Его голос потерял прежнюю заботу, глубокие зрачки сузились, и он с усмешкой бросил:

— Сестра, я не знаю, каким зельем этот Чжу Шэнъгэ тебя опоил! Чем он так хорош, чтобы ты, такая гордая, так убивалась по нему? — он не договорил, но смысл был понятен.

Сказано было без умысла, но услышано с болью. Сердце Бай Лин сжалось.

Глава 13. Замешанные

— У-у-у!

Ван Сифэн заморгал и отчаянно закивал.

Она одной рукой вытащила кляп, а другой придержала его подбородок, чтобы он не закричал.

Освободившись от кляпа, Ван Сифэн облегчённо вздохнул, его лицо стало спокойнее.

Линь Чаогэ развязала его и, не теряя времени, спросила:

— Как тебя схватили?

Ван Сифэн прошептал, едва слышно, по-детски:

— Я хотел сходить на улицу, книгу купить.

— А где твои слуги? — Линь Чаогэ не скрывала раздражения. Если бы не он, не попала бы она в такую беду.

Удастся ли им сбежать, зависело только от того, как быстро придут люди Вана.

Ван Сифэн на мгновение замер, затем выругался и пробормотал:

— Я и представить не мог, что среди бела дня можно вот так похитить человека.

Увидев, что Линь Чаогэ хмурится, он поспешно добавил:

— Но не волнуйся, они заметят моё исчезновение и скоро придут.

Сказав это, он постарался придвинуться ближе к Линь Чаогэ, но, заметив её взгляд, смущённо отвернулся и тихо кашлянул. Уши его покраснели — в конце концов, она пострадала из-за него.

— Какая у тебя заколка? Есть ли что-то острое? — вдруг спросила она.

У богатых господ вроде Ван Сифэна в волосах всегда были заколки — золотые или нефритовые.

Ван Сифэн не понял, зачем это ей, но наклонился ближе:

— Есть одна заколка, сегодня выходил в спешке, взял только серебряную, с острым концом. Оружия нет, но на поясе есть наконечник стрелы, очень острый. Зачем спрашиваешь?

Уголок рта Линь Чаогэ дёрнулся:

— Для самообороны.

Ван Сифэн вытащил заколку и наконечник, взвесил их на руке и протянул ей тот, что был острее.

Взяв заколку, она опустила глаза и спрятала её в рукаве.

В этот момент снаружи слышались шаги.

Они быстро накинули верёвки обратно, уставились в одну точку и замолчали.

Ван Сифэн вытаращил глаза, глядя на дверь, сжимая зубы так, что они скрипели — он готов был вцепиться в похитителей зубами.

Дверь звякнула, замок провернулся.

От яркого света, хлынувшего в комнату, у них, привыкших к полумраку, заслезились глаза.

Худой мужчина лет двадцати, в серой одежде, с треугольными глазами, вошёл внутрь, присел на корточки, грубо вытащил кляп и заставил Ван Сифэна выпить мутной воды.

Ван Сифэн, сопротивляясь, проглотил большую часть.

Пользуясь случаем, он огляделся: на лодке было человек семь-восемь, все крепкие, как быки, с руками толщиной с его бедро — настоящие головорезы, не чета его охранникам.

Против такой силы не попрёшь. Он перестал сопротивляться. Мужчина действовал грубо, Ван Сифэн закашлялся и, понизив голос, прерывисто спросил:

— Эй, добрый молодец, сколько денег вам нужно?

Молодой человек усмехнулся, в глазах мелькнула жадность:

— А сколько, по-твоему, стоит твоя жизнь?

Ван Сифэн рассмеялся, в уголках глаз — насмешка:

— Считайте и моего брата. Видите, вы его так ударили, что он до сих пор не очнулся, — он кивнул на Линь Чаогэ, которая притворялась мёртвой, и добавил шёпотом: — Не волнуйтесь, у нас в семье не хватает чего угодно, только не денег. Если будете играть по правилам, мы договоримся.

— О, а ты, малец, похоже, бывалый.

Мужчина погладил подбородок. Жадность на мгновение мелькнула в его глазах. Он смотрел сверху вниз на гордого господина, который теперь ползал у его ног, и, похлопав Ван Сифэна по щеке, осклабился в уродливой гримасе.

Ван Сифэн не упустил этой жадности. Он подался вперёд и прошептал:

— Десять тысяч лянов. Как вам?

Мужчина едва сдержал эмоции.

В округе Люгуан такие деньги — целое состояние. Даже у богатейших купцов в Фуцзяни капитал редко превышал несколько десятков тысяч. Этот глупый мальчишка с ходу предложил десять тысяч — настоящий транжира.

Будь он его сыном, он бы ему ноги переломал.

— Не тебе решать. Сиди тихо!

Мужчина усмехнулся, взял пустую фарфоровую чашку и вышел. На этот раз он не стал

затыкать Ван Сифэну рот.

Как только за дверью стихло, Линь Чаогэ открыла глаза и спросила шёпотом:

— Хочешь его подкупить?

Ван Сифэн кивнул, вспомнив, что на глазах повязка, и сказал:

— Видел, как у него глаза загорелись? Буду подкупать каждого по очереди, посмотрим, не перегрызутся ли они между собой.

Линь Чаогэ промолчала, подумав про себя: «Истинный сын богача, с детства выпитал всё, что нужно, даже если натура — дрянь».

Позже приходили ещё трое, допрашивали, кто ведёт счета в доме Вана, где ключи от кладовой и есть ли у отца наложницы.

Ван Сифэн притворялся напуганным, заикался и «честно» рассказывал, где спрятаны деньги, невзначай упоминая, что он — единственный наследник, и дома его ценят больше жизни.

Линь Чаогэ уже не стала его останавливать. Раз сбежать не удаётся, а люди Вана всё не приходят, пусть лучше Ван Сифэн водит их за нос.

Лишь бы семья успела заметить его пропажу.

День клонился к вечеру. Опасаясь, что лодку могут обыскать, похитители решили сменить место.

В камерке было темно, хоть глаз выколи.

Снаружи чирикали воробьи, бамбук в огне трещал, время от времени слышались крики и споры — похитители, похоже, никак не могли решить, что делать с Ван Сифэном.

Ван Сифэн и Линь Чаогэ затаили дыхание, прислушиваясь. Вдруг дверь распахнулась, в комнату ворвались двое пьяных громил, пошатываясь, схватили Линь Чаогэ и потащили наружу.

— Что вы задумали?!

<http://bllate.org/book/22224/2319216>